

*Моим родителям, Марку и Хелен,
которые всегда мне читали*

Пролог

Ферма и раньше видела смерть, а мухи дискриминации не признают. Для них нет особой разницы между тушей и трупом.

Тем летом засуха избаловала мух обилием выбора. Они разборчиво выискивали немигающие глаза и мокнущие раны, истощенный скот Кайверры все продолжал падать под пулями фермеров. Нет дождя — нет корма. А отсутствие корма означало трудные решения, в то время как маленький городишко день за днем плавился под обжигающе-голубыми небесами.

— Погода переломится, — говорили фермеры, а месяцы, один за другим, складывались в год, а потом и во второй. Они все повторяли эти слова друг другу, вслух, как мантру. И — шепотом — про себя, как молитву.

Но синоптики Мельбурна придерживались иного мнения. Облаченные в костюмы, исполненные сочувствия, они вскользь упоминали о засухе, стоя в кондиционированной студии часов около шести вечера. Худ-

шие погодные условия за сто лет. Подтверждено официально. У погодных условий было имя, которое до сих пор не совсем было понятно, как произносить. Эль Ниньо.

По крайней мере, мухи были довольны. Хотя сегодняшние их находки были необычны. Не такие крупные, и с гладкостью плоти. Да какая разница. В основном различий не было. Пустые глаза. Влажные раны.

Самым свежим был труп на поляне. Мухам потребовалось чуть больше времени, чтобы отыскать те два, что были внутри дома, хотя дверь была гостеприимно распахнута. Те, что отправились на разведку вглубь дома, миновав угощение в прихожей, были вознаграждены, обнаружив еще одно в спальне. Это, второе, было не таким крупным, но зато и конкуренции было поменьше.

Явившись первыми, довольные мухи роились на жаре, а кровь разливалась, застывая черными лужами на плитке и на ковре. Снаружи, под палящими лучами солнца, на сушилке-вертушке неподвижно висело белое, сухое и твердое, как кость. Брошенный детский самокат валялся на выложенной камнями дорожке. В радиусе километра от фермы билось всего одно человеческое сердце.

Поэтому никто не отозвался, когда в глубине дома начал плакать младенец.

Глава первая

Даже тем, чья тень не падала на порог церкви от одного Рождества до другого, было ясно: мест, чтобы всем рассестись, на этой панихиде не хватит. У входа уже образовалась небольшая черно-серая пробка, когда Аарон Фальк подъехал в облаке пыли и осыпавшихся листьев.

Собравшиеся соседи теснились на крыльце, стараясь незаметно оттереть друг друга локтями; образовав воронку, толпа постепенно всасывалась в церковь. Напротив, через дорогу, роились репортеры.

Фальк припарковал свой седан рядом с чьим-то пикапом, тоже выдавшим виды, и заглушил мотор. Подребезжав напоследок, кондиционер умолк, и салон немедленно начал нагреваться. Фальк позволил себе лишнюю секунду, чтобы оглядеть толпу, хотя на самом деле времени у него не было. Он еле тащился от самого Мельбурна, умудрившись растянуть пятичасовую поездку до шести часов с небольшим. Довольный, что не заметил ни единого знакомого лица, он выбрался из машины. Предвечерняя жара обернулась вокруг него,

как душное одеяло. Рывком отворив заднюю дверь и попутно обжегшись, он достал из машины пиджак. Поколебавшись, прихватил с заднего сиденья и шляпу. Широкополая коричневая шляпа совсем не сочеталась с его черным костюмом. Но, будучи обладателем синевато-белой кожи цвета снятого молока, которая на шесть месяцев в году покрывалась канцерогенного вида веснушками, Фальк был внутренне готов к последствиям нарушения дресс-кода.

Ему, бледному с рождения, с короткой щетиной светлых, почти белых волос и невидимыми ресницами, часто казалось, что вот уже тридцать шесть лет австралийское солнце пытается что-то до него донести. Послание это проще было игнорировать среди длинных теней Мельбурна, чем в Кайверре, где тень была переходящей роскошью.

Фальк быстро глянул на дорогу, ведущую обратно из города, потом — на часы. Панихида, поминки, одна ночь — и его здесь нет. Восемнадцать часов, подсчитал он. Не больше. Ухватившись за эту мысль, он двинулся к толпе у входа, придерживая одной рукой шляпу: внезапный порыв горячего ветра заставил плясать подола.

Внутри церковь оказалась даже меньше, чем ему помнилось. Стиснутый плечами незнакомых ему людей, Фальк позволил течению отнести себя вглубь. Он приметил свободное местечко у стены и устремился к нему, втиснувшись рядом с фермером в туго обтягивающей живот рубашке. Тот кивнул ему, а потом вновь уставился прямо перед собой. Рукава у него замялись в локтях: их явно недавно подворачивали.

Фальк снял шляпу и начал потихоньку обмахиваться. Не удержавшись, огляделся по сторонам. Лица,

которые поначалу казались незнакомыми, вдруг словно попали в фокус, и он ощутил — вопреки всякой логике — порыв удивления, натываясь взглядом на морщинки, седые пряди и лишние килограммы.

Мужчина постарше, сидевший двумя рядами ближе к выходу, поймал взгляд Фалька, кивнул, и они обменялись печальными улыбками. Как же его звали? Фальк попытался вспомнить. Сосредоточиться никак не удалось. Вроде учитель. Фальку почти удавалось представить его себе у доски, перед классом, как он бодро пытается вселить в скучающих тинейджеров интерес к географии, или к поделкам из дерева, или к чему там еще. Но воспоминание продолжало ускользать.

Мужчина кивнул на скамью рядом, давая понять, что мог бы подвинуться, но Фальк вежливо покачал головой и опять отвернулся. Он старался избегать вежливых разговоров даже в самой располагающей обстановке. А эту обстановку назвать располагающей было трудно.

Господи, каким же маленьким был тот гробик в середине. То, что он стоял между двумя гробами обычного размера, только ухудшало дело. Если это дело вообще можно было ухудшить. Детишки помладше, с аккуратно зализанными волосами, теребили взрослых: «Смотри, пап, тот ящик, там цвета нашей команды». Ребята постарше, которые уже понимали, что находится внутри, просто смотрели на гроб в испуганном молчании, ерзая в душной школьной форме, и то и дело придвигались поближе к матерям.

С увеличенной фотографии над гробами глядела вниз, на собравшихся, семья из четырех человек. Чересчур широкие улыбки дробились на пиксели. Сни-

мок был знаком Фальку по новостям. Журналисты им пользовались постоянно.

Под фотографией живыми цветами были выложены имена погибших. *Люк. Карен. Билли.*

Фальк посмотрел на портрет Люка. В густых черных волосах проглядывала непривычная полоска проседи, и все же он выглядел лучше, чем большинство мужчин по ту сторону тридцати пяти. На вид он был старше, чем помнилось Фальку, но все-таки пять лет прошло. Уверенная ухмылка осталась неизменной, равно как и знающий взгляд. «Прекрасно сохранился», — вот что первым делом приходило на ум. Три гроба утверждали обратное.

— Кошмарная трагедия, — прозвучал голос соседа-фермера. Словно ниоткуда. Руки скрещены на груди, кулаки крепко зажаты под мышками.

— Да, — сказал Фальк.

— Вы их хорошо знали?

— Не особенно. Только Люка... — на одно головокружительное мгновение Фальк заколебался, не зная, какое определение дать человеку, лежащему в самом большом из гробов. Лихорадочно шаря в уме, он натыкался только на расхожие газетные клише. — ...Отца, — закончил он, наконец. — Мы с ним раньше дружили, когда были помоложе.

— Ну да. Мне известно, кто такой Люк Хэдлер. Думаю, теперь это каждому известно. Вы ведь все еще здесь живете, в округе? — Фермер чуть развернулся к Фальку всем своим крупным телом и впервые поглядел на него как следует.

— Нет. И давно уже.

— Н-да. Но такое ощущение, что я вас уже где-то видел. — Фермер нахмурился, пытаясь определить, кто

перед ним такой. — Эй, вы ведь не один из этих сволочных журналистов?

— Нет. Я полицейский. В Мельбурне.

— Да ну? Устроили там правительству расследование, что они тут так все запустили. — Он кивнул в сторону гробов, где лежали тела Люка, его жены и шестилетнего сына. — Мы тут пытаемся страну прокормить, худшая погода за сто лет, а они все трындят, что субсидии необходимо урезать. Как-то даже трудно винить несчастного ублюдка. Это е...

Тут он прервался. Оглядел церковь и продолжил:

— Долбаный стыд, вот что это такое.

Фальк ничего не сказал, и оба они принялись молча размышлять над некомпетентностью Канберры. Газетчики уже успели хорошенько потоптаться по всем возможным виновникам гибели семьи Хэдлеров.

— Вы, значит, расследовать сюда приехали? — Фермер кивнул в сторону гробов.

— Нет. Я здесь только в качестве друга, — ответил Фальк. — Не уверен, что тут осталось чего расследовать.

Он слышал ровно столько же, сколько и все остальные, — из новостей. Но, судя по комментариям журналистов, дело было предельно простым. Ружье, из которого были сделаны выстрелы, принадлежало Люку. То самое ружье, которое нашли на его теле засунутым в рот — точнее, в то, что от него осталось.

— Ну да. Наверное, — сказал фермер. — Я просто подумал, он твой друг и все такое.

— В любом случае я не по этой части работаю. Федеральная служба. Подразделение финансовой разведки.

— Это мне мало что говорит, дружище.

— Это просто значит, что я выслеживаю бабки. Все, что заканчивается на несколько нулей, если оно ока-

залось не там, где должно быть. Растраты, отмывание денег, все такое.

Фермер сказал что-то в ответ, но Фальк его не слышал. Его взгляд скользнул мимо трех гробов на тех, кто сидел на передней скамье. Места для родных. Чтобы они могли сидеть впереди всех своих друзей и соседей, а те, в свою очередь, могли пялиться им в затылки и благодарить Господа, что сидят там, где сидят.

Двадцать лет прошло, и все же отца Люка Фальк узнал с первого взгляда. Лицо у Джерри Хэдлера было серое. Глаза будто утонули в глазницах. Он, как и полагается, сидел на передней скамье, но глядел при этом назад. Не на всхлипывающую рядом жену, не на три деревянных ящика, в которых лежали останки его сына, невестки и внука. Обернувшись, он смотрел прямо на Фалька.

Откуда-то сзади, из динамиков, донеслось несколько музыкальных нот. Начало службы. Джерри еле заметно кивнул, и Фальк бессознательно сунул руку в карман. Нашупал письмо, которое легло к нему на стол два дня назад. Семь слов от Джерри Хэдлера, выведенных тяжелой рукой:

Люк солгал. Ты солгал. Будь на поминках.

Фальк первым отвел глаза.

Смотреть на фотографии было трудно. Одна за другой они всплывали на экране в беспощадном слайд-шоу. Люк — торжествующий юный футболист; ему нет еще десяти. Маленькая Карен прыгает через изгородь на пони. В их замороженных улыбках было что-то гротескное, и Фальк заметил, что не он один отводит глаза.

На экране возник новый снимок, и Фальк с удивлением узнал себя. Его собственное одиннадцатилетнее

лицо, слегка не в фокусе, глядело с экрана. Они с Люком бок о бок, с голыми торсами, рты раскрыты, — гордо демонстрируют рыбешку, болтающуюся на леске. Они явно очень довольны. Фальк попытался вспомнить, когда был сделан этот снимок. У него не получилось.

Слайд-шоу продолжалось. Фотографии Люка, потом Карен, оба улыбаются так, будто не прекратят никогда, а потом опять Фальк. В этот раз ему показалось, будто из груди разом выпустили весь воздух. По толпе пробежал шепоток, и стало понятно, что этот снимок задел за живое не его одного.

Он сам, в более молодом варианте, стоит рядом с Люком; длинные руки, длинные ноги, россыпь прыщей. Опять улыбки, но в этот раз их четверо. Рука Люка небрежно обвивает по-девичьи тонкую талию юной ослепительной блондинки. Рука Фалька нерешительно замерла над плечами второй девушки, с длинными черными волосами и темными глазами.

Фальк просто поверить не мог, что эту фотографию продемонстрировали вместе с остальными. Он бросил взгляд на Джерри Хэдлера, но тот с решительным видом глядел прямо перед собой. Фальк почувствовал, как фермер, стоявший рядом, пошевелился и отступил на точно рассчитанные полшага. Вот до него и дошло, подумал Фальк.

Он вынудил себя вновь взглянуть на фотографию. На четверку. На девушку, стоящую рядом с ним. Он смотрел в эти глаза, пока они не исчезли с экрана. Как был сделан этот снимок, Фальк помнил. Однажды днем, ближе к вечеру, в конце долгого жаркого лета. Это был хороший день. И это была одна из последних фотографий, где они были вместе, все вчетвером. Два месяца спустя темноволосой девушки не стало.

Люк солгал. Ты солгал.

Целую минуту Фальк пялился в пол. Когда он поднял глаза, время уже опять потекло дальше, и Люк с Карен формально улыбались со свадебной фотографии. Фальк был приглашен. Он уже и не помнил, под каким именно предлогом отказался приехать. Почти наверняка — работа.

Пошли первые фотографии Билли. Краснолицый младенец, растрепанный мальчонка постарше. Уже немного похож на папу. Стоит в шортиках у наряженной елки. Все трое наряжены монстрами, краска идет трещинками вокруг улыбок. Еще несколько лет прокручено вперед, и вот уже Карен, постарше, баюкает у груди новорожденного.

Шарлот. Та, кому повезло. Чье имя не стали выкладывать цветами. Как по заказу, Шарлот, которой было теперь тринадцать месяцев, начала орать на своем законном месте на передней скамье, на коленях у бабушки. Одной рукой Барб Хэдлер теснее прижала девочку к груди и начала нервно ее укачивать. Другой рукой она прижимала к лицу бумажную салфетку.

Фальку, который не был экспертом по младенцам, трудно было сказать, узнала ли Шарлот на фотографии свою мать. Или, может, ее просто взбесило, что приходится принимать участие в панихиде, хотя сама она была очень даже жива. Она к этому привыкнет, — понял он. Выбора у нее особого не было. Ребенку, к которому навечно приклеен ярлык «единственная уцелевшая», спрятаться негде.

Музыка медленно умолкла, и последние фотографии появлялись на экране в неловком молчании. Все явно испытали облегчение, когда кто-то зажег свет.

Пока священник, у которого были проблемы с весом, преодолевал две ступеньки, ведущие на кафедру, Фальк опять уперся взглядом в эти кошмарные гробы. Он думал о темноглазой девушке, о лжи, придуманной и заученной двадцать лет назад, когда в крови бурлили страх и подростковые гормоны.

Люк солгал. Ты солгал.

Насколько коротка была дорожка, ведущая от того решения к этому моменту? Вопрос этот зудел и ныл, как синяк.

Сидевшей впереди женщине в годах уже, видимо, было невмоготу смотреть вперед, и ее блуждающий взгляд упал на Фалька. Знакомы они явно не были, но она автоматически кивнула ему с печальным видом. Фальк отвел взгляд. Когда он опять поднял глаза, она все еще смотрела прямо на него. Внезапно нахмурившись, она повернулась к соседке, тоже пожилой даме. Фальку не нужно было уметь читать по губам, чтобы понять, о чем они шепчутся.

Фальков парень вернулся.

Вторая женщина стрельнула взглядом по его лицу и немедленно отвела взгляд. Еле заметным кивком подтвердила подозрения подруги. Наклонилась к соседке с другой стороны, что-то прошептала. У Фалька в груди начала оседать неуютная тяжесть. Он посмотрел на часы. Семнадцать часов. И он отсюда уедет. Опять. Слава тебе, господи.

Глава вторая

— **А**арон Фальк, только попробуй свалить, черт тебя подери.

Фальк стоял у машины, борясь с искушением запрыгнуть внутрь и уехать. Большинство присутствующих уже отправились пешком туда, где должны были состояться поминки, — идти было недалеко. Фальк обернулся на голос и, вопреки всему, не смог сдержать улыбку.

— Гретчен, — произнес он, а она обняла его, прижавшись лбом к плечу. Он положил подбородок ей на макушку, и они стояли так долгую минуту, покачиваясь взад-вперед.

— Господи, как я рада тебя здесь видеть, — сказала она ему в рубашку приглушенным голосом.

— Как ты? — спросил он, когда она отодвинулась. Гретчен Сконер, пожав плечами, стянула с носа дешевые солнцезащитные очки и взглянула на него покрасневшими глазами.

— Так себе. На самом деле скорее плохо. А ты?

— Да все так же.

— Выглядишь ты уж точно так же. Все косишь под альбиноса, смотрю.

— Ты тоже не слишком переменялась.

Она фыркнула, но ее улыбка стала шире:

— За двадцать-то лет? Да ладно тебе.

Фальк не слишком-то и льстил. Гретчен все еще легко было бы узнать по тому снимку с четверкой подростков, что промелькнул в слайд-шоу во время службы.

Талия, которую обвивала на фотографии рука Люка, стала не такой хрупкой, и волосы ей теперь, наверное, приходилось красить. Но высокие скулы и синие глаза принадлежали все той же Гретчен. Брюки и блузка формального покроя были на тон светлее, чем надо бы для поминок, и ей в этом костюме явно было неловко. Фальк мельком подумал, одолжила ли она эти вещи или просто редко их носила.

Гретчен разглядывала его не менее пристально, и, когда их глаза встретились, она рассмеялась. И мигом помолодела.

— Пошли, — она взяла его под локоть. Прохладное прикосновение ладони. — Поминки в общинном центре. Вместе мы справимся.

Они направились вперед по дорожке, и Гретчен окликнула на ходу мальчишку, который тыкал во что-то палкой. Тот поднял взгляд и неохотно оторвался от своего занятия. Гретчен протянула ему руку, но ребенок потряс головой и побежал вперед, размахивая палкой, будто мечом.

— Мой сын, Лэчи, — сказала Гретчен, глянув искося на Фалька.

— Да. Ну конечно. — Фальку потребовалось мгновение, чтобы вспомнить: девушка, которую он знал,